

НЕЗАБЫЎНАЕ, ПАМЯТНАЕ...

Василий Шарапов. Нас Время ставит на свои места. Мн., Торгово-финансовый союз «БТФС», 2013.

У апошні час узрасла цікавасць чытачоў да мемуараў партыйных і дзяржаўных дзеячаў Савецкай Беларусі. Перш за ўсё мы маем на ўвазе ўспаміны П. Панамарэнкі, М. Патолічава, К. Мазурава, В. Казлова, М. Дземянца, А. Кавалёва, К. Кісялёва, В. Кебіча...

Між іншым, вельмі рэдка аўтарамі мемуараў становяцца міністры. У гэтым сэнсе прыемнай нечаканасцю сталі выхад у свет у снежні 2013 года (Минск, Торгово-финансовый союз «БТФС» — 351 с.) успамінаў былога міністра будаўніцтва і эксплуатацыі аўтамабільных дарог БССР Васіля Шарапава «Нас Время ставит на свои места». Шчыра кажучы, я даўно не меў такой цікавай і каштоўнай кнігі, шэраг старонак якой чытаюцца на адным дыханні.

У «Прадмове» Старшыня Савета Міністраў Беларусі ў 1990—1994 гадах В. Кебіч адзначае:

«Откровенно говоря, перебирая в памяти десятки руководителей разного ранга, с которыми приходилось сталкиваться в жизни, я затрудняюсь назвать ещё кого-нибудь, кто столь блестяще справлялся бы с возложенными на него обязанностями, окажись в аналогичных обстоятельствах.

В 1945 году капитан Василий Шарапов приехал в Минск после многомесячного лечения в госпиталях инвалидом второй группы... Василия Шарапова назначили инструктором Минского горкома ВКП(б), поручив курировать

строительство Минского автомобильного завода — промышленного первенца в освобождённом Минске. Талантливый руководитель заметили. Спустя непродолжительное время он возглавил Сталинский райком, затем Минский горком Компартии Белоруссии, в течение тринадцати лет был председателем Минского горисполкома; (на самой справе, пасля пасады першага сакратара Сталінскага райкама партыі Шарапаў працаваў другім сакратаром Мінскага гаркама партыі, потым старшынёй Мінскага гарвыканкама, а з снежня 1967 года — першым сакратаром Мінскага гаркама партыі. — Э. І.), с 1972 года до выхода в 1989 году на заслуженный отдых — министр строительства и эксплуатации автомобильных дорог Белоруссии.

Мы обязаны Василию Шарапову многим: и тем, что Минск возродился из руин и является одним из красивейших и уютных городов на всём постсоветском пространстве, и тем, что дороги перестали быть лишь направлениями движения, приобрели пристойный вид. А ещё — высочайшими нравственными критериями отношения к порученному делу».

Адразу паўстае пытанне, чым успаміны В. Шарапава істотна адрозніваюцца ад пераважнай большасці мемуараў іншых былых партыйных і дзяржаўных дзеячаў Беларусі?

Па-першае, вялікім зарадам пазнавальнасці. Нават дасведчаны чытач знойдзе ў іх такое, што не адшукаем ні ў адной энцыклапедыі, ні ў адным даведніку. Маю на ўвазе невядомыя старонкі гісторыі не толькі Мінска, але і ўсёй Беларусі 1945—1989 гадоў.

У прыватнасці, разглядаючы гісторыю аднаўлення Мінска з кастрычніка 1945 года, Васіль Іванавіч заўважае:

«Отсутствие генерального плана торозило ход восстановительных работ. Но концепция его была уже известна. И строители не бездействовали.

Едва ли не самым первым на Советской улице воздвигли здание ведомства, которое возглавлял ближайший сподвижник Лаврентия Берии — председатель (правільна — наркам. — Э. І.) НКГБ Белоруссии Лаврентий Цанава.

Об этом человеке известно гораздо меньше, чем о тэжке. Поэтому я вкратце остановлюсь на его биографии и на той зловещей роли, которую он сыграл в истории Белоруссии...

После войны Лаврентий Цанава вернулся в Минск на свою прежнюю должность. И репрессии продолжались. Хватали людей по малейшему подозрению, по доносу.

Главного врача 1-й клинической больницы Минска Алексея Шубу арестовали за то, что в начале войны он попал в плен. Не посмотрели ни на его довоенную жизнь, ни на обстоятельства пленения. Раз общался с фашистами — значит враг! О судьбе этого человека стоит сказать особо...

В конце декабря 1941 года вместе с группой патриотически настроенных земляков, захватив запас медикаментов и инструмента, Алексей Шуба ушёл в лес. Создал партизанский отряд, переросший в крупную бригаду имени Кирова. После освобождения Белоруссии работал заведующим отделом здравоохранения Минского горисполкома...

Жизнь Алексею Шубе спас арест Цанавы. Он был реабилитирован, продолжил руководить 1-й клинической больницей столицы, сделав её одним из лучших лечебных заведений СССР. Удостоен звания Герой Социалистического Труда. В 2010 году на здании больницы установлен его барельеф...

По приказу Лаврентия Цанавы здание НКГБ начали строить ещё весной 1945 года. Рассказывали, что утверждая проект, именно он настоял на том,

чтобы правый верхний угол здания венчала башенка. Заместитель председателя (правільна — начальніка. — Э. І.) Управления по архитектуре БССР Владимир Король пытался возразить:

— Это невозможно, Лаврентий Фомич. Если уж строить, то две башенки: в архитектуре ведь всё подчиняется законам симметрии.

Цанава снисходительно посмотрел на него. В его взгляде читалось недоумение: какой-то архитекторишка позволил ему перечить?!

— Вот что, товарищ Король. В Белоруссии всё подчиняется одному закону — закону Цанавы. В архитектуре, возможно, ты и король, а здесь король я. И постарайся уж, чтобы башенка получилась красивой и понравилась мне.

Так и высится эта одинокая башенка на одном из красивейших зданий в центре Минска. Поднимаясь на неё, Лаврентий Цанава, по легенде, якобы любил наблюдать за ходом футбольных матчей на располагающемся неподалеку стадионе «Динамо».

Многіх чытачоў зацікавіць апісанне сустрэчы Шарапава з Лі Харлі Освальдам, якога амерыканскае правасуддзе па сённяшні дзень афіцыйна лічыць адзіным забойцам прэзідэнта ЗША Джона Кенэдзі, і абставіны атрымання ім кватэры ў бытнасць Васіля Іванавіча мэрам Мінска.

Па-другое, нельга не згадзіцца з наступнай думкай рэдактара кнігі Ігара Асінскага: «...его (Шарапава. — Э. І.) мемуары отличаются предельной откровенностью и принципиальностью. В них дана честная, непредвзятая оценка деятельности большинства руководителей Беларуси, с которыми он был знаком не шапочно, а прошёл через суровые испытания. Подчас его оценки бывают жёсткими. Но это позиция не судьбы, а очевидца».

Так, характарызуючы Старшыню Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР у 1937—1948 гадах Нічыпара Наталевіча, Шарапаў акцэнтует ўвагу на тое, што яго жонка змагла атрымаць на цэнтральнай базе ў 1945 годзе ў якасці гуманітарнай дапамогі 152 рэчы і

48 метраў сукна. Будучы слаба характарным, Наталевіч баяўся прэрэчыць сваёй уладарнай палавіне, што, дарэчы, гэта было ахілесавай пятой многіх буйных кіраўнікоў Беларусі.

Ацэньваючы дзейнасць Мікалая Патолічава, аўтар кнігі звяртае ўвагу на тое, што будучы рускім па нацыянальнасці, ён шчыра і добрасумленна служыў беларускаму народу, адстойваючы на ўсіх узроўнях улады яго інтарэсы.

Пра Панцеляймона Панамарэнку Шарапаў выказваецца так:

«Сегодня об этом политике, оказавшем огромное влияние на развитие Белоруссии, высказывают противоположные мнения. Одни говорят о нём как человеке глубокого аналитического ума, отличавшемся исключительной честностью и ответственностью...

Другие, правда, большей частью те, кто никогда с Пономаренко не встречался, обвиняют его в антисемитизме, в насильственной русификации, в гонениях на творческую интеллигенцию и даже в непосредственном участии в репрессиях».

Што датычыцца Пятра Машэрава, то Шарапаў упэўнены, што, гэта быў, безумоўна, выдатны, паспраднаму таленавіты кіраўнік і ў той жа час чалавек, не пазбаўлены недахопаў, як і ўсе людзі. Не ўсё ў яго дзеяннях адназначна, а некаторыя рашэнні аказваліся не зусім прадуманымі.

А вось што піша Шарапаў пра Мікалая Мікітавіча Слюнькова:

«Этот политик всегда был для меня загадкой, хотя знаю его ещё почти с подросткового возраста...

И вот тут (пасля прызначэння дырэктарам Мінскага трактарнага завода. — Э. І.) начали проявляться в характере Слюнькова качества, которые отличают его от руководителей старшего поколения. Он старался готовить плацдармы для своего продвижения сам...

Уверен, что по своим деловым качествам Слюньков и без подталкивания добился бы того положения, которое, в конце концов, занял. Но ему хотелось быстрее! Может быть, в этом он опережал своё время...

Впрочем, для объективности хочу сказать: Николай Никитович Слюньков был далеко не худшим руководителем партийной организации Белоруссии, немало сделал для развития её экономики. Ему не мешало то, что партийная бюрократия за глаза называла его Директором Республики. Он был достаточно резок с теми руководителями, в том числе и партийными, которые, по его мнению, плохо владели ситуацией на вверенном участке работы, и был беспощаден к ним».

Па-трэцяе, мемуары В. Шарапава — гэта не проста ўспаміны аднаго з партыйных і дзяржаўных дзеячаў Беларусі, а вельмі блізкі да аб'ектыўнасці, своеасаблівы і цікавы летапіс гісторыі Беларусі 1945—1989 гадоў, напісаны добрай літаратурнай мовай. Адчуваеш, што гэта праўда, хоць у некаторых выпадках і горкая. У большасці выпадкаў верыш, што так і было, як напісана.

На мой погляд, для пастаянных чытачоў часопіса «Полымя» найбольш цікавымі будуць згадкі пра тое, як аўтар кнігі, будучы старшынёй Мінскага гарвыканкама, пазнаёміў народнага пісьменніка Беларусі Івана Шамякіна з архітэктарамі сталіцы.

Навошта Івану Пятровічу было гэта знаёмства і чаму ён звярнуўся менавіта да Шарапава?

Справа ў тым, што яны разам вучыліся ў Мінскай Вышэйшай партыйнай школе і падтрымлівалі сяброўскія адносіны. З дазволу Васіля Іванавіча Шамякін хадзіў на пасяджэнні савета па архітэктурцы быццам на працу. Уладкоўваўся дзе-небудзь у кутку пакоя, уважліва слухаў, нешта запісваў у бланце. А дзеля чаго гэта яму неабходна, так і не прызнаўся. Баяўся сурочыць. Усё стала вядома, калі быў напісаны раман «Атланты і карыятыды». Шарапаў піша: «...А в 1974 году позвонил однажды и спрашивает:

— Хотел бы заскочить к тебе. Найдёшь пару минут?

— В любое время! Зачем спрашиваешь?!

Через полчаса Шамякин уже был у

меня в кабинете. И вручил только что вышедшую в свет книгу «Атланты и кариатиды», написав тёплый автограф. Прочитал её вечером на одном дыхании. Считаю, что так глубоко ни до Шамякина, ни после него не писали о жизни архитекторов. В 1980 году Белорусское телевидение сняло по этому роману одноименный 8-серийный фильм...

Во время демонстрации жизнь в городе приостанавливалась. На моей памяти так было лишь тогда, когда показывали сериал «Семнадцать мгновений весны». Архитекторам, которые определяют облик Минска сегодня, я советовал бы прочитать или перечитать, если были знакомы с ним раньше, роман «Атланты и кариатиды». И взять пример с его главного героя Максима Карначя, главного архитектора Москвы. Поучиться у него, как надо отстаивать свои принципы»

Закрываеш апошнюю старонку кнігі і ўсведамляеш, што перад намі ўнікальны лёс чалавека, прыклад фенаменальнай памяці. Шарапаў, якому ідзе дзевяноста восьмы год, памятае не толькі падзеі і дзейнасць тых ці іншых людзей, але і асобныя дэталі, што некаторыя чытачы называюць «дробязямі». Але без такіх дробязей няма гісторыі, няма жыццёвай праўды.

Праўда, не абысціся без некаторых заўваг і пажаданняў.

На стар. 135—137 прыведзены спіс кіраўнікоў Кампартыі Беларусі з 1919-га па 1991-ы год, пачынаючы з Аляксандра Мяснікова і заканчваючы Анатолем Малафеевым. На жаль, адсутнічае Даніла Валковіч, які займаў пасаду першага сакратара ЦК КП(б)Б з 25 лютага па 14 сакавіка 1937 года.

Часам В. Шарапаў супярэчыць сам сабе. Так, на старонках 250—251, абараняючы пазіцыю партыйных органаў Мінска і Беларусі, якія многія дзесяцігоддзі не прызнавалі Машу Брускіну на здымку павешаных нацыстамі падпольшчыкаў Мінска 26 кастрычніка 1941 года, ён крытыкуе выснову аб скрытым антысемітызме, аб нежаданні ставіць яўрэйку ў адзін шэраг з патрыётамі-беларусамі.

Далей падкрэслівае:

«Подобного рода заявления могли делать либо люди, ненавидевшие Советскую власть, либо те, кто был далёк от политики, но доверял слухам, нашептываемым западными радиостанциями. Я вырос в поселке, где преобладало еврейское население, среди моих коллег, в том числе и занимавших с моей подачи высокие посты, немало евреев. К ним я всегда относился с таким же уважением, как к белорусам, русским, а может даже и с большим, так как прежде всего ценил деловые качества».

У першым сказе гэтай цытаты аўтар кнігі адыходзіць ад прынцыпу аб'ектывізму і праўдзівасці. Яго пазіцыю ў другім сказе можна тлумачыць так:

«У маім пасёлку (маецца на ўвазе мястэчка Бобр Крупскага раёна Мінскай вобласці. — Э. І.) не было антысемітызму, як не было яго нагул у Беларусі».

І тут жа супярэчыць сам сабе. Усётакі ўласцівы яму аб'ектывізм, шчырасць і праўдзівасць перамагаюць. Шарапаў вымушаны прызнаць:

«Знаю, что в руководстве Белоруссии были некоторые люди, которые ошибочно понимали 5-ю графу. Сам сталкивался не раз с подобным отношением. Помню, после ухода Израила Борисовича Каждана с поста заместителя председателя исполкома (Мінскага гарсавета. — Э. І.) предложил назначить на его место прекрасного человека и работника, заместителя директора МТЗ Юрия Израилевича Хейкера. Пришёл с этой кандидатурой к Киселёву (Старшыні Савета Міністраў БССР. — Э. І.). Тихон Яковлевич не преминул устроить мне очередной разнос.

— Что ты их всё время тянешь?! У нас что белорусов и русских уже в стране не осталось?

Я попытался было возражать:

— Но мы же не по анкете руководителей выбираем! Хейкер — прекрасный специалист, талантливый организатор, преданный партии человек.

— А ты ему в душу заглядывал. Сегодня он предан партии. А завтра послушается «Голоса Америки» и поло-

жит партыйный билет на стол. Мало ли таких случаев?

— Тихон Яковлевич, но нельзя всё же не доверять людям! Так ведь и обидеть можно.

— Доверять надо. Но и бдительность не повредит. Пусть твой Хейкер с тракторами возится. Так спокойнее!

И завернул кандидатуру. Да, были случаи, когда чьей-то карьере это помешало. Но повинны в этом не партия, не государство, а чиновники недалёкого ума. Убеждён, что политику нашей страны в национальном вопросе они не определяли...»

На мой взгляд, Шарапаў памыляецца, зрабіўшы такую выснову. Сёння ўжо дакументальна даказана, што з сярэдзіны 1940-х да сярэдзіны 1980-х гадоў у БССР, як і ва ўсім СССР, праводзілася палітыка дзяржаўнага антысемітызму. Вельмі часта нацыянальную палітыку вызначалі вышэйшыя і сярэднія чыноўнікі, прычым не толькі «недалёкага розуму», якія атрымлівалі вусныя распараджэнні аб кадравых пытаннях ад свайго кіраўніцтва, свае распараджэнні давалі таксама вусна. Толькі адзін пры-

клад. Аўтар гэтых радкоў паступаў у аспірантуру на працягу 1963—1969 гадоў ...10 разоў, у тым ліку 9 разоў у Мінску і адзін раз у Маскве. Паступіў у завочную аспірантуру Інстытута гісторыі АН БССР толькі з дзясятага заходу — пасля здачы экзаменаў кандыдацкага мінімуму. А абараніўшы кандыдацкую дысертацыю, працуючы настаўнікам, тры гады не мог уладкавацца на працу выкладчыкам ВУ або супрацоўнікам Навукова-даследчага інстытута і зрабіў гэта толькі пасля візіту ў ЦК Кампартыі Беларусі.

На стар. 144 ёсць такая фраза «Героическая борьба Притыцкого с белопольскими панами». Але ж такія фразы, як «белапольскія паны» ў нашай літаратуры даўно ўжо не ўжываюцца.

У цэлым жа, паўтаруся, Шарапаў стварыў вельмі цікавую, патрэбную і пазнавальную кнігу, якая, безумоўна, знойдзе свайго чытача і пачэснае месца сярод мемуараў выдатных людзей нашай краіны. Гэта выданне ў нейкай ступені можа стаць прыкладам напісання ўспамінаў для тых, хто гэта збіраецца рабіць.

